

Слоним М. Бунин о Чехове // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1956. 1 января. № 15527. С. 8.

Бунин о Чехове

В последние годы своей жизни И. А. Бунин работал над книгой о Чехове. Он перечитывал его произведения, знакомился с его письмами, опубликованными Госиздатом в 1948-1950 гг., делал заметки на полях книг, посвященных его творчеству, выписывал отдельные места из воспоминаний современников, и набрасывал собственные мысли. Весь этот предварительный материал для неоконченной, вернее, еще не написанной, книги сейчас издан в нетронутом, лабораторном виде.*)

Можно понять, что близкие Бунину люди не хотели ничего менять в оставшейся после него рукописи и воспроизвели ее целиком. Но отсутствие редакционной правки привело к тому, что более половины объема, в четыреста страниц тома занято цитатами из писем Чехова или книг о нем, без каких-либо авторских комментариев. В текст включены всякие мелочи, вплоть до простых указаний страниц (напр.: «О Чехове у Телешева стр. 193»). Слова самого Бунина надо буквально искать и вылавливать в море выписок из других авторов. Впрочем, читатель, который проделает эту работу, будет вознагражден за свои усилия: в отдельных характеристиках и разбросанных повсюду замечаниях, обычных для Бунина яркость и блеск, и они значительно дополняют то, что он много лет назад рассказывал в своих известных воспоминаниях о Чехове.

В 1890 году И. А. Бунин, двадцатилетний начинающий писатель, обратился к старшему брату, А. П. Чехову, с просьбой оценить его первые опыты. Чехов ответил ему 30 января 1891 года: «Милостивый Государь Иван Алексеевич! Простите, что я так долго не отвечал на ваше письмо. Я был в Петербурге и только сегодня вернулся в Москву. Очень рад служить вам, хотя, пре-

* И. А. Бунин. О Чехове. Из-во имени Чехова. Нью-Йорк 1955. стр. 412. 3 дол.

дупреждаю, я плохой критик и всегда ошибался, особенно, когда мне приходилось быть судьей начинающих авторов. Присылайте мне ваши рассказы, но только не те, которые уже были напечатаны. Готовый к услугам А. Чехов» (см. т. 15. Письмо № 861). В рукописи Бунина об этом эпизоде нет упоминания, и мы не знаем мнения Чехова о его рассказах.

Бунину было семнадцать лет, когда он впервые прочитал Чехова: «Ехал из Ельца, — пишет он, — купил на станции «Пестрые рассказы» Чехова в 1887 году, читал не отрываясь». Познакомился он с ним гораздо позже, через восемь лет. «В Москве в девяносто пятом году, я увидел человека средних лет, в пенсне, одетого просто и приятно, довольно высокого, очень стройного и легкого в движениях. Встретил он меня приветливо, но так просто, что я... принял эту простоту за холодность».

Но вскоре выяснилось, что это была обычная для Чехова манера держаться, а позже, в начале девятисотых годов, Бунин подружился с ним, часто бывал у него в Ялте и Москве и стал своим человеком в доме писателя. Чехов к нему привязался, помог ему в получении Пушкинской премии, часто упоминал о нем в письмах к близким, шутил с ним и, увидя в газетах портрет французского маркиза, яко бы похожего на Бунина, стал называть его «Букишоном». Сам Бунин говорит, что в Ялте отношение к нему Чехова стало оживленнее и сердечнее: «но сдержанность осталась, и проявлялась она не только в обращении со мной, но и с людьми самыми близкими ему, и означала она, как я убедился потом, не равнодушие, а нечто гораздо большее... он говорил еще более просто и кратко, и во время разговора все думал о чем-то своем, предоставляя собеседнику самому улавливать переходы в скрытом течении своих мыслей».

В свою очередь Бунин, у ко-

торого нашлось мало добрых слов о его современниках, сохранил к Чехову исключительно теплые чувства. И по его прежним воспоминаниям и по ныне опубликованным записям видно, как ценил он дружелюбие и расположение Чехова. «Ни с кем из писателей, пишет Бунин, не было у меня таких отношений, как с Чеховым, за все время ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший брат — я почти на одиннадцать лет моложе его, — но в то же время никогда не давал чувствовать свое превосходство и всегда любил мое общество».

Бунина, всегда ненавидевшего фальшь и реторику, особенно привлекала в Чехове простота и естественность, его отвращение ко всему вычурному и надуманному. Душевная прямота соединялась у Чехова с большой деликатностью и чувствительностью, а сдержанность — с внутренней силой. Чехов всегда был подтянут: «Никогда не видел его в халате, всегда он был одет аккуратно и чисто. У него была педантическая любовь к порядку — наследственная, как настойчивость такая же наследственная, как и настойчивость. Он мало ел, мало спал, в комнатах его была удивительная чистота, спальня была похожа на девичью. Как ни слаб бывал он порой, ни малейшей поправки он себе не давал в одежде. Руки у него были большие, сухие, приятные».

Бунин неоднократно подтверждает, что в Чехове совершенно не было той пассивности и расхлябанности, какой наделены его герои. И вообще он не проявлял настроений, какие критика называла «чеховскими», и хотя его считали «певцом хмурых людей», он сам на них не походил. В нем была незнакомая им сила и жизнерадостность. «Быть правдивым и естественным, оставаясь в то же время пленительным, — это значит быть не обыкновенной по красоте, цельности и силе натурой», пишет Бунин. Он особенно подчеркивает, что Чехова никогда не покидало спокойствие и сдержанность. «Я спрашивал Евгению Яковлевну, мать Чехова, и Марию Павловну (сестру): Скажите, Антон Павлович плакал когда-нибудь?» — «Никогда в жизни», твердо ответили обе. «Того, что совершалось в глубине его души, никогда не знали во всей полноте даже самые близкие к нему люди... Это был человек редкого душевного благородства, воспитанности и изящества в самом лучшем значении этих слов».

В противовес тем, кто пытается изобразить Чехова мрачным пессимистом, Бунин рассказывает о чеховском юморе, не покидавшем его до самой смерти. Чехов любил смех, но смеялся он только, когда другие рассказывали что-либо смешное: сам он говорил самые смешные вещи без малейшей улыбки. «Он очень любил шутки, нелепые прозвища, мистификации. В последние годы, как только хоть не надолго ему становилось лучше, он был неистощим на них; но каким тонким комизмом вызывал он неудержимый смех! Бросит два три слова, лукаво блеснет глазом поверх пенсне...».

Особое место занимают бунинские оценки творчества Чехова. Бунин восхищается его мастерством рассказчика, умеющего сжать богатый жизненный материал в короткую форму новеллы, подчеркивает чеховскую любовь к «значительной детали», говорит о его знании медицины, избавившем его от многих ошибок (их не избежал и сам Толстой, напр. в «Крейцеровой Сонате»). Но чрезвычайно высоко ставя Чехова, как автора «Скудной Истории», «Архиерея», «Палаты № 6» и десятков других рассказов, Бунин отрицательно относился к его пьесам. Он их не любил и считал плохими. «Вишневый сад» ему особенно не нравился, и он упрекал Чехова в незнании дворянского быта. «Пьес его я не люблю, мне тут даже неловко за него... Фиге довольно правдоподобно. Остаются, пошлостью, просто неестественно».

В 1948, выступая в Париже чтением своих воспоминаний, Бунин удивил многих слушателей своей критикой Чехова драматурга. Правда, впоследствии, в заметках о книге Курдюмова, который считал «Вишневый Сад», «Три сестры» и «Дядю Ваню» самыми лучшими пьесами Чехова, Бунин написал: «не согласен: лучшая «Чайка», единственная. Но все же я неправильно писал о его пьесах».

Как далеко шло это признание? Мы знаем, что Бунин был очень пристрастен в своих оценках. В частности его обвинения Чехова в недостаточном знакомстве с дворянским бытом неправильно и по существу (Чехов подолгу гостил в «дворянских гнездах»), и в смысле чисто художественном. Как правильно замечает М. Алданов в предисловии к бунинской незаконченной рукописи, Чехов во всяком случае знал русских помещиков не меньше, чем сам Бунин американских миллионеров, что не мешало ему, однако, написать «Господин из Сан-Франциско».

Я думаю, что причина бунинского неприятия пьес Чехова лежит глубже, чем его придирки относительно «незнания помещицкой жизни и усадебных садов». Сам Бунин мечтал написать пьесу, но никогда этого не осуществил. Драматический жанр был чужд его дарованию. В его повестях и рассказах лучшее — не диалог, а описание. Кроме того, он душевно отталкивался от новаторства в литературе вообще и в драме в частности, и чеховский переход от внешнего действия к «скрытым течениям» и символическим намекам вызывал в нем внутренний протест. (Он считал, что герои Чехова на сцене постоянно «бормочат среди разговора с кем-нибудь чепуху»).

Между прочим, Бунин всегда сердился, когда его сравнивали с Чеховым или говорили о влиянии на него автора «Володи» (в связи с «Митиной любовью»). Конечно, они совсем разные, и сближает их лишь то, что оба вышли из тургеневской прозы и писали в одном и том же жанре. Ни у Бунина, ни у Чехова нет романов («Жизнь Арсеньева» никак нельзя назвать романом), они мастера короткого рассказа, и оба прошли через увлечение Толстым. У Чехова оно было более глубоким, чем у Бунина, и «срывание масок», обнажение «подлинной реальности» человека приняло у него более обличительный характер. У Бунина больше резкости, даже страсти в описаниях, больше словесного, поэтического блеска, и его герой почти всегда даны или на фоне природы или в столкновении с нею — тогда как у Чехова природа лишь рамка, и лирический мотив. Чувство космического у Бунина поэтому выражено сильнее, как и в зрелых произведениях его учителя Тургенева.

И еще одно: сам Бунин, говоря о жизни Чехова, указывает, как велика была в нем жажда деятельности — он строил школы, ездил на Сахалин, лечил крестьян, участво-

вал в различных общественных начинаниях. В этом был он типичным интеллигентом своего времени. Бунин, после короткого периода толстовства, твердо стал на позиции художника, не желающего вмешиваться в «заботы суетного света». У Чехова была «моральная направленность», которой Бунин не любил у других (он называл ее «наставительностью») и окончательно искоренил в себе. И в этом, пожалуй, основная разница их «установках».

Связывало же их не только отношение к литературе, которую оба признавали самым важным в своей жизни, но и резкое отталкивание от всего высокопарного, крикливого, книжного, и исключительное чувство слова. Бунин вспоминает, что Чехов говорил прекрасно, всегда по своему, ясно, правильно. Так говорил и сам Бунин, и так он описал в незаконченной рукописи свою дружбу с Чеховым.

Марк Слоним.